

Радомир Кадук
Роман Чёрный ферзь или
Гамбит по доброте. Часть 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Радомир Кадук

Роман Чёрный ферзь или Гамбит по доброте. Часть 1

<https://litres.ru/74447802>

SelfPub; 2026

Аннотация

Егор Пономарёв — четырнадцатилетний вундеркинд, уставший от школьной травли и непонимания. Он хочет уехать в Екатеринбург, но для этого нужны деньги. Отчаявшись, он связывается с подпольным компьютерным клубом, где его замечает Дрон — обаятельный манипулятор, использующий талантливых подростков ради наживы. Егор красит волосы в чёрный, бросает шахматы и погружается в опасный мир азартных игр. Когда его друг Влад пытается спасти его, Дрон убивает Влада на глазах Егора. А затем убивает мать Егора и похищает самого подростка. Теперь Егор должен выжить в руках убийцы, не сломаться и найти способ выбраться. Но сможет ли он, если весь мир против него? Чёрный ферзь идёт до конца.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Радомир Кадук

Роман Чёрный ферзь или Гамбит по доброте. Часть 1

Глава

Егор проснулся за минуту до будильника. Это была его личная особенность — организм, казалось, сам знал, когда нужно вставать, и никогда не подводил. Вот и сейчас, лежа в кровати, он смотрел в потолок и слушал тишину, которая бывает только ранним утром первого сентября.

За окном было серо. Пермское небо, как обычно, не баловало солнцем, и только редкие лучи пробивались сквозь плотные облака, ложась тусклыми пятнами на противоположный дом. Егор повернулся на бок и посмотрел на будильник. 06:47. Будильник должен был зазвонить в 07:00.

— Четырнадцать минут, — прошептал он. — Ещё четырнадцать минут свободы.

Он не хотел вставать. Не потому, что было лень, и не потому, что не выспался. Просто сегодня был день, которого он ждал с тихим ужасом всё лето. Первое сентября. Седьмой класс. И, что хуже всего, первый класс для Тимофея.

Егор закрыл глаза и представил, как всё будет. Мама будет

суетиться на кухне, гладить рубашку Тимофея, проверять, собрал ли он портфель. Папа, если он не в командировке, будет молча пить кофе и поглядывать на часы. А сам Егор будет сидеть в стороне, чувствуя себя чужим на этом празднике жизни.

Он не завидовал брату. Нет, совсем нет. Тимофей шёл в первый класс, и это было его собственное приключение, его собственный страх и его собственная радость. Егор просто... не хотел идти в школу. Совсем не хотел.

Лето закончилось слишком быстро. Ещё вчера он сидел на балконе с ноутбуком, писал код для сайта шахматного клуба, а бабушка Вера принесла ему пирожки с яблоками. А сегодня нужно было надевать школьную форму, брать портфель и идти в эту школу, где его ждали не друзья, а скорее... терпимые знакомые. И Антон «Танк».

Егор вздохнул и сел в кровати. Простыня смялась под ним, и он машинально разгладил её рукой. В комнате было прохладно — окно он оставил приоткрытым на ночь, и утренний воздух успел наполнить комнату свежестью. На столе лежали шахматная доска и несколько фигур, которые он переставлял вчера вечером, пытаясь решить сложную задачу. Белый ферзь стоял на краю доски, окружённый чёрными фигурами. Егор посмотрел на него и усмехнулся.

— Я тебя понимаю, — сказал он вслух. — Один против всех.

Дверь в комнату скрипнула, и в проёме показалась ры-

жая макушка Тимофея. Младший брат был одет в новенькую школьную форму — тёмно-синий пиджак, белая рубашка, галстук. Галстук был повязан криво, и Тимофей явно гордился этим.

— Егор! — закричал он. — Мама сказала, чтобы ты вставал! Мы идём в школу!

— Я вижу, — ответил Егор, не вставая. — Ты уже готов?

— Ага! — Тимофей заскочил в комнату и закружился на месте, демонстрируя свой наряд. — Мне купили новый портфель! С роботом! И пенал! И тетрадки! Смотри!

Он вытащил из-за спины портфель — ярко-синий, с изображением трансформера — и начал расстёгивать молнию. Егор наблюдал за ним с лёгкой улыбкой. Тимофей был таким... живым. Таким настоящим. Он не боялся показаться смешным, не думал о том, что о нём скажут другие. Он просто радовался новому портфелю и первому дню в школе.

— Красивый, — сказал Егор. — Только галстук поправь.

Тимофей посмотрел на свой галстук, который действительно съехал набок, и нахмурился.

— Я не умею.

— Иди сюда.

Егор встал с кровати, подошёл к брату и аккуратно попра-

вил галстук. Тимофей стоял смирно, задрал голову, и смотрел на него с таким доверием, что у Егора что-то сжалось в груди. Он вспомнил себя в первом классе. Тогда ему тоже повязывала галстук мама, и он тоже стоял смирно, боясь пошевелиться. А потом он пришёл в школу и понял, что все эти галстуки и пиджаки — просто формальность. Никому нет дела до того, как ты выглядишь. Всем есть дело до того, какой ты.

— Готово, — сказал Егор, отступая на шаг. — Теперь ты похож на настоящего школьника.

— А ты? — спросил Тимофей, глядя на его пижаму.

— А я ещё не оделся.

— Так одевайся! Мы опоздаем!

Тимофей выбежал из комнаты, громко топая ногами. Егор посмотрел ему вслед и покачал головой. «Опоздаем». Он бы с удовольствием опоздал. Или вообще не пошёл.

Он подошёл к шкафу и открыл дверцу. Школьная форма висела на плечиках — тёмно-синий пиджак, белая рубашка, серые брюки. Всё это было куплено ещё в августе, на школьной ярмарке, и с тех пор висело нетронутым. Егор снял пи-

жаму и начал одеваться. Рубашка была жёсткой, накрахмаленной, и пахла новизной. Брюки сидели идеально — мама всегда угадывала с размером. Пиджак оказался чуть великоват в плечах, но это было даже к лучшему. Егор не любил, когда одежда сидела слишком плотно.

Он подошёл к зеркалу и посмотрел на себя. Рыжие волосы, зелёные глаза, веснушки. Очки в тонкой металлической оправе. Он выглядел... обычно. Как тысячи других мальчиков по всей России. Ничего особенного.

— Егор! — донёсся голос мамы из коридора. — Завтрак готов! Спускайся!

Он вздохнул и вышел из комнаты.

Кухня была наполнена запахом блинов. Мама, Александра Игоревна, стояла у плиты в фартуке, ловко переворачивая очередной блин. Она была в своём обычном утреннем состоянии — собранная, энергичная, немного взвинченная. Первое сентября всегда было для неё особым днём. Она любила этот праздник, любила суету, любила чувствовать себя частью чего-то важного.

— Доброе утро, — сказал Егор, садясь за стол.

— Доброе, — ответила мама, не оборачиваясь. — Блины будешь?

— Буду.

— С мёдом или с вареньем?

— С мёдом.

Мама кивнула и положила на тарелку три блина. Егор взял вилку и начал есть. Блины были горячими, мягкими, с хрустящими краешками. Бабушка Вера научила маму печь такие, когда Егор был ещё совсем маленьким. Это был их семейный рецепт, передававшийся от матери к дочери.

— А где папа? — спросил Егор.

— Уже уехал, — ответила мама, и в её голосе промелькнула едва заметная нотка раздражения. — У него срочный заказ на заводе. Обещал приехать к вечеру.

Егор кивнул. Папа часто уезжал рано утром. Он работал инженером-конструктором на «Камкабеле», и его график был непредсказуемым. Иногда он был дома целыми неделями, а иногда пропадал на несколько дней, уезжая в командировки по всей России. Егор скучал по нему, но старался не

показывать этого. Папа был занят. Папа работал. Это было нормально.

— Тимофей! — крикнула мама в сторону коридора. — Иди завтракать!

Тимофей появился на кухне, уже полностью одетый и с портфелем за плечами. Он сел за стол и с аппетитом набросился на блины. Мама смотрела на него с умилением.

— Волнуешься? — спросила она.

— Нет, — ответил Тимофей с набитым ртом. — Я не боюсь. Я же большой.

— Конечно, большой, — согласилась мама. — Ты у меня уже совсем взрослый.

Егор молча ел свои блины. Он смотрел на брата и вспоминал себя в его возрасте. Тогда он тоже не боялся. Тогда он думал, что школа — это место, где тебя научат чему-то новому, где ты найдёшь друзей, где всё будет интересно. Он ошибался.

Школа оказалась не такой, как в книжках. В книжках дети дружили, помогали друг другу, вместе переживали труд-

ности. В реальности всё было иначе. В реальности были Антони «Танки» и учителя, которые ставили тебя в пример, не спрашивая, хочешь ли ты этого. В реальности ты был один, даже когда вокруг были люди.

— Егор, ты готов? — спросила мама, прерывая его мысли.

— Да, — ответил он. — Только портфель возьму.

Он поднялся со стола и пошёл в свою комнату. Портфель лежал на стуле, рядом с шахматной доской. Егор взял его и заглянул внутрь. Тетради, ручки, учебники — всё было собрано ещё вчера. Он проверил, на месте ли пенал, и застегнул молнию. Потом посмотрел на шахматную доску. Белый ферзь всё ещё стоял на краю, окружённый чёрными фигурами.

— Я вернусь, — сказал Егор тихо. — И тогда мы доиграем.

Он вышел из комнаты и направился в коридор. Мама уже стояла у двери, держа в руках ключи и сумку. Тимофей прыгал рядом, пытаясь застегнуть куртку.

— Помочь? — спросил Егор.

— Я сам! — ответил Тимофей, но через секунду сдался.
— Ладно, помоги.

Егор застегнул ему куртку и поправил воротник. Тимофей улыбнулся ему и схватил его за руку.

— Пойдём вместе, — сказал он. — Ты будешь меня защищать.

Егор посмотрел на маленькую руку, которая сжимала его ладонь, и почувствовал, как что-то тёплое разливается в груди. Он не хотел идти в школу. Он не хотел видеть Антона, не хотел слушать учителей, не хотел сидеть за партой и делать вид, что ему интересно. Но ради Тимофея он мог потерпеть один день.

— Пойдём, — сказал он. — Я тебя защищу.

На улице было прохладно. Пермское утро встретило их серым небом и лёгким ветром, который гнал по асфальту жёлтые листья. Осень ещё не вступила в свои права, но уже чувствовалась в воздухе — в запахе сырости, в том, как деревья начинали менять цвет, в том, как люди одевались теплее.

Егор шёл рядом с мамой, держа Тимофея за руку. Младший брат болтал без умолку, рассказывая о том, как он будет учиться, какие у него будут друзья, как он будет получать

пятёрки. Егор слушал его вполуха и смотрел по сторонам.

Улица Ленина, на которой они жили, была одной из центральных в Перми. Здесь было много старых зданий, построенных ещё в советские времена, и несколько новых домов, которые выглядели чужеродно на фоне исторической застройки. Егор любил эту улицу. Он знал здесь каждый дом, каждый переулок, каждое дерево. Он вырос здесь, и это место было частью его.

Они дошли до перекрёстка и повернули направо. Школа находилась в десяти минутах ходьбы от дома — обычная средняя школа № 22, трёхэтажное здание из красного кирпича с большими окнами и спортивной площадкой во дворе. Егор учился здесь с первого класса, и за эти годы школа стала для него чем-то вроде второго дома. Только дома он чувствовал себя в безопасности, а здесь — нет.

У входа в школу уже толпились дети и родители. Было шумно, ярко, суетливо. Кто-то здоровался, кто-то смеялся, кто-то плакал. Первое сентября — это всегда смесь радости и тревоги, и Егор чувствовал и то, и другое.

— Егор! — раздался знакомый голос.

Он обернулся и увидел Илью. Лучший друг детства, «Ха-

кер», как называли его в школе, стоял у ворот с рюкзаком на одном плече и телефоном в руке. Он был высоким, худым, с тёмными волосами и вечной улыбкой на лице. Илья был гением программирования — он мог взломать любой сайт, написать любую программу, решить любую задачу. Именно он увлёк Егора созданием сайтов, и именно с ним Егор чувствовал себя по-настоящему собой.

— Привет, — сказал Егор, подходя. — Ты чего такой довольный?

— А что, нельзя? — Илья убрал телефон в карман. — Лето закончилось, школа началась. Всё по плану.

— По какому плану?

— По плану жизни. — Илья пожал плечами. — Всё идёт своим чередом.

Егор усмехнулся. Илья всегда был философом. Даже когда они были маленькими, он умудрялся находить глубокий смысл в самых обычных вещах. Егору это нравилось. С Ильёй можно было говорить о чём угодно — о код, о шахматах, о жизни, — и он всегда понимал.

— А это кто? — Илья посмотрел на Тимофея, который

всё ещё держал Егора за руку.

— Мой брат, — ответил Егор. — Тимофей. Первый класс.

— О, поздравляю! — Илья присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с Тимофеем. — Ну что, готов к школе?

— Готов! — ответил Тимофей гордо. — У меня портфель с роботом!

— Круто! А у меня был с динозавром.

Тимофей засмеялся, и Егор почувствовал, как напряжение немного отпускает. Илья всегда умел разрядить обстановку. Он был тем самым человеком, который мог превратить самый скучный день в приключение.

— Ладно, — сказал Илья, выпрямляясь. — Пойдём? Личейка скоро начнётся.

Егор кивнул и посмотрел на маму. Она уже разговаривала с какой-то женщиной — вероятно, мамой одного из одноклассников Тимофея. Егор знал, что мама найдёт с кем поговорить. Она всегда находила.

— Мам, мы пойдём, — сказал он.

— Идите, — ответила мама, не отрываясь от разговора.
— Я найду вас после линейки.

Егор кивнул и повёл Тимофея к школьному двору. Илья шёл рядом, рассказывая о том, что он делал летом. Оказывается, он участвовал в онлайн-олимпиаде по программированию и занял третье место. Егор слушал и радовался за друга. Илья всегда добивался своего.

Во дворе школы было ещё больше народу. Дети стояли классами, учителя пытались их построить, родители толпились по краям. Егор нашёл свой класс — 7 «Б» — и встал в конце строя. Он не хотел быть на виду. Он хотел быть незамеченным.

Но не тут-то было.

— О, Пономарёв! — раздался голос, который Егор узнал бы из тысячи. — Явился, не запылелся!

Егор обернулся. Антон «Танк» стоял в нескольких шагах от него, окружённый своей свитой — тремя парнями из футбольной команды. Он был высоким, широкоплечим, с короткой стрижкой и наглой улыбкой. Антон был лидером футбольной тусовки и считал своим долгом подкалывать всех,

кто не вписывался в его представление о нормальном парне.

— Привет, Антон, — сказал Егор ровно.

— Чего такой серьёзный? — Антон подошёл ближе. — Опять всю ночь в шахматы играл?

— Нет, — ответил Егор. — Я спал.

— Спал он. — Антон засмеялся, и его свита поддержала. — Слушай, а ты в курсе, что шахматы — это для стариков? Тебе бы в футбол поиграть, а то совсем зачахнешь.

Егор ничего не ответил. Он знал, что любая реакция только подольёт масла в огонь. Антон ждал, что он начнёт оправдываться, злиться, спорить. Но Егор не собирался давать ему это удовольствие.

— Молчишь? — Антон прищурился. — Ну и молчи. Молчание — золото, да, Пономарёв?

Он хлопнул Егора по плечу — слишком сильно, чтобы это было дружеским жестом, — и отошёл к своим друзьям. Егор сжал кулаки, но заставил себя расслабиться. Он не будет реагировать. Он не позволит Антону вывести его из себя.

— Всё нормально? — тихо спросил Илья, который стоял рядом.

— Нормально, — ответил Егор. — Я привык.

— Не обращай внимания. Он просто...

— Я знаю. Пустой.

Илья кивнул и больше ничего не сказал. Он понимал. Он всегда понимал.

Линейка началась ровно в девять. Директор школы, пожилой мужчина с седыми волосами и строгим голосом, поздравил всех с началом учебного года. Потом выступили учителя, потом старшеклассники, потом кто-то ещё. Егор стоял и слушал, но мысли его были далеко.

Он думал о бабушке Вере. Сегодня она должна была прийти к ним после школы — как обычно, с пирогами и новыми книгами. Бабушка была единственным человеком, который понимал его без слов. Она научила его играть в шахматы, когда ему было шесть лет. Она привила ему любовь к книгам, к знаниям, к размышлениям. Она была его главным человеком.

Егор боялся потерять её. Этот страх сидел где-то глубоко внутри, и он никогда не говорил о нём вслух. Но иногда, поздно ночью, когда он не мог заснуть, он представлял, как это будет. Как он останется один. Как никто больше не скажет ему: «Егор, ты умный мальчик. У тебя всё получится». И от этих мыслей ему становилось холодно.

— Егор! — голос Ильи прервал его размышления. — Ты меня слышишь?

— А? — Егор моргнул. — Что?

— Я спрашиваю, ты пойдёшь в кружок робототехники в этом году?

— Пойду, наверное. А что?

— Просто у нас новый преподаватель. Говорят, он крутой. Можно будет делать серьёзные проекты.

— Звучит интересно, — сказал Егор, но без особого энтузиазма.

Илья посмотрел на него внимательно.

— Ты какой-то не такой сегодня. Что случилось?

— Ничего, — ответил Егор. — Просто... не хотел идти в школу.

— Понимаю, — Илья кивнул. — Я тоже не хотел. Но что поделаешь? Надо.

— Надо, — эхом повторил Егор.

Линейка закончилась, и классы начали расходиться по кабинетам. Егор попрощался с Ильёй и пошёл искать Тимофея. Младший брат стоял у входа в школу с другими первоклассниками, держась за руку учительницы. Он выглядел немного растерянным, но не испуганным.

— Тимофей! — позвал Егор.

Тимофей обернулся и улыбнулся.

— Егор! Я иду в класс! У меня будет учительница Марина Сергеевна!

— Хорошо, — сказал Егор. — Удачи.

— А ты придёшь за мной после уроков?

— Приду.

Тимофей кивнул и позволил учительнице увести себя в школу. Егор смотрел ему вслед, пока он не скрылся за дверью. Потом вздохнул и пошёл в свой класс.

Кабинет 7 «Б» находился на втором этаже. Егор вошёл и сразу направился к своему месту — у окна, на последнем ряду. Это было его место с пятого класса, и он не собирался его менять. Здесь он чувствовал себя в относительной безопасности. Сзади — стена, справа — окно, слева — пустое место. Никто не мог подойти к нему незаметно.

Он сел и начал раскладывать учебники. Через несколько минут в класс вошла классная руководительница, Елена Викторовна. Строгая женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и пронзительным взглядом. Она преподавала математику и славилась своей требовательностью. Егор уважал её как учителя, но не любил как человека. Она слишком часто ставила его в пример, и это создавало ему проблемы.

— Доброе утро, класс, — сказала Елена Викторовна, вставая у доски. — Поздравляю вас с началом нового учебного года. Седьмой класс — это серьёзный этап. Впереди у вас много работы, много контрольных и, надеюсь, много побед.

Она обвела взглядом класс и остановилась на Егоре.

— Егор, — сказала она. — Ты в этом году должен показать отличные результаты. У тебя есть все данные для того, чтобы стать лучшим учеником школы. Я рассчитываю на тебя.

Егор почувствовал, как десятки глаз устремились на него. Он опустил голову и пробормотал что-то невнятное. Он ненавидел такие моменты. Он не просил, чтобы его выделяли. Он не хотел быть лучшим. Он просто хотел, чтобы его оставили в покое.

— Так, — продолжила Елена Викторовна, — сейчас мы обсудим план на первое полугодие...

Егор отвернулся к окну и посмотрел на улицу. За окном шёл дождь — мелкий, морозящий, типичный пермский дождь. Люди бежали по тротуарам, прячась под зонтами и капюшонами. Машины проезжали мимо, оставляя за собой мокрые следы на асфальте.

Егор думал о шахматах. О белом ферзе, который остался на доске. О бабушке. О Тимофее. О том, что он ненавидит школу, но должен в неё ходить. О том, что он один, даже когда вокруг люди.

Он думал о том, что этот год будет долгим.

После уроков Егор забрал Тимофея из школы и повёл его домой. Младший брат был переполнен впечатлениями. Он рассказывал о своей учительнице, о новых друзьях, о том, как они пели песни на первом уроке. Егор слушал и кивал.

— А тебе понравилось в школе? — спросил Тимофей.

— Не очень, — ответил Егор честно.

— Почему?

— Потому что школа — это не всегда весело.

— А зачем тогда туда ходить?

Егор задумался. Это был хороший вопрос. Зачем ходить в школу, если тебе там не нравится? Ответ был сложным. Школа давала знания, давала образование, давала возможности. Но она также давала стресс, давала одиночество, давала чувство, что ты не такой, как все.

— Потому что это нужно, — сказал Егор наконец. — Чтобы потом было легче.

— Понятно, — сказал Тимофей, хотя было видно, что он

не совсем понял.

Они дошли до дома и поднялись на свой этаж. В квартире пахло пирогами. Бабушка Вера уже пришла.

— Егор! Тимофей! — она вышла в коридор, вытирая руки о фартук. — Как прошёл первый день?

— Отлично! — закричал Тимофей, бросаясь к ней в объятия. — У меня портфель с роботом!

— Какой молодец! — бабушка обняла его и посмотрела на Егора. — А ты, мой хороший?

Егор подошёл и обнял бабушку. Она была тёплой, мягкой, пахла пирогами и чем-то ещё — чем-то родным и знакомым.

— Нормально, — сказал он. — Устал.

— Иди мой руки и садись за стол, — сказала бабушка. — Я испекла твой любимый — с яблоками.

Егор кивнул и пошёл в ванную. Он посмотрел на себя в зеркало — рыжие волосы, зелёные глаза, веснушки. Он выглядел уставшим.

— Первый день, — сказал он своему отражению. — Всего лишь первый день.

Он умылся, вытер лицо полотенцем и пошёл на кухню. Бабушка уже накрыла на стол. Пирог, чай, варенье. Тимофей что-то рассказывал, размахивая руками. Мама сидела рядом и слушала с улыбкой.

Егор сел за стол и взял пирог. Он был горячим, с хрустящей корочкой и сочной начинкой. Именно таким, как он любил.

— Вкусно, — сказал он.

— Ешь, ешь, — бабушка погладила его по голове. — Тебе нужно много сил. Впереди целый год.

Егор кивнул и откусил ещё кусок. Он смотрел на свою семью — на маму, на Тимофея, на бабушку — и чувствовал, как что-то тёплое разливается в груди. Он не любил школу. Он не хотел туда возвращаться. Но у него было это — дом, семья, пироги с яблоками. И этого было достаточно, чтобы продолжать.

Вечером Егор сидел в своей комнате и смотрел на шахматную доску. Белый ферзь всё ещё стоял на краю, окружён-

ный чёрными фигурами. Егор взял его в руку и повертел. Ферзь был деревянным, гладким, тёплым от его ладони.

— Я тебя понимаю, — сказал он тихо. — Один против всех. Но ты знаешь, что делать.

Он поставил ферзя на доску и сделал ход. Чёрные фигуры отступили. Белый ферзь двинулся вперёд, прокладывая путь сквозь ряды противника.

Егор улыбнулся. Завтра будет новый день. И он его переживёт. Как переживал все предыдущие. Потому что он — Егор Пономарёв. И он не сдаётся.

Он выключил настольную лампу и лёг в кровать. За окном шёл дождь. Где-то в соседней комнате спал Тимофей. В гостиной мама смотрела телевизор. А бабушка, наверное, уже ушла домой.

Егор закрыл глаза и представил, как он выигрывает городской турнир по шахматам. Как он поступает в физико-математическую школу в Екатеринбурге. Как он становится кем-то. Кем-то важным. Кем-то, кто не боится.

Он заснул с улыбкой на лице.

А завтра... завтра будет завтра.

Вечером, когда Тимофей уже спал, а за окном окончательно стемнело, Егор вышел из своей комнаты. В квартире было тихо, только из гостиной доносились приглушённые голоса и музыка — мама с бабушкой смотрели очередную серию бразильского сериала. Егор никогда не понимал, что они в нём находят. Там все постоянно плакали, кричали, выясняли отношения, и казалось, что жизнь этих людей состоит из одних только страстей. Но мама говорила, что это помогает ей расслабиться. Бабушка говорила, что это как шахматы, только вместо фигур — люди, и никто не знает, какой ход будет следующим.

Егор подошёл к дверному проёму и остановился. Мама сидела в кресле, поджав ноги, с чашкой чая в руках. Бабушка устроилась на диване, накрыв колени пледом. На экране телевизора красивая женщина в ярком платье что-то доказывала мужчине в костюме, а музыка нарастала так, будто вот-вот случится что-то непоправимое.

— Мам, — позвал Егор.

Мама обернулась. В её глазах мелькнуло удивление — обычно в это время он уже сидел в своей комнате с ноутбуком или книгой.

— Ты чего не спишь? — спросила она.

— Не спится, — ответил Егор и вошёл в гостиную. Он сел на подлокотник кресла, рядом с мамой, и некоторое время смотрел на экран, не видя, что там происходит. Потом набрал воздуха и сказал то, что крутилось в голове весь день. — Мам, мне обязательно ходить в школу?

Мама медленно поставила чашку на столик. Бабушка тоже оторвала взгляд от телевизора и посмотрела на внука внимательно, поверх очков.

— Что значит — обязательно? — переспросила мама. — Егор, ты что, заболел?

— Нет. Я не заболел. Я просто... — он запнулся, подбирая слова. — Я не хочу туда ходить. Совсем не хочу.

— Почему? — мама нахмурилась. — Тебя кто-то обидел?

— Никто меня не обидел, — сказал Егор, хотя это была не совсем правда. — Просто там... пусто. Я трачу время. Я мог бы сидеть дома и готовиться к школе-интернату в Екатеринбурге. У меня есть план. Я знаю, что мне нужно подтянуть. Английский, олимпиадную математику. Я могу заниматься

сам. Онлайн-курсы, учебники. Зачем мне эта школа?

Мама молчала. Бабушка покачала головой.

— Егор, — сказала она мягко. — Школа — это не только уроки. Это люди. Ты не научишься жить с людьми, если будешь сидеть в четырёх стенах.

— Я не хочу жить с людьми, — ответил Егор, и сам удивился, как резко это прозвучало. — Я хочу уехать.

— В Екатеринбург? — мама прищурилась. — После девятого класса? Тебе четырнадцать лет, Егор. Ты ещё ребёнок.

— Я знаю, сколько мне лет, — сказал он тише. — Но если я не начну готовиться сейчас, я не поступлю. Там конкурс. Там всё серьёзно.

— Ты хорошо учишься, — возразила мама. — Ты справишься.

— Дело не в оценках, — Егор сжал кулаки. — Дело в том, что я там чужой.

В комнате повисла тишина. Даже телевизор, казалось, притих. На экране женщина в ярком платье замерла с откры-

тым ртом, а мужчина в костюме смотрел на неё так, будто ждал ответа.

— Чужой, — повторила бабушка. — Почему ты так решил?

Егор опустил голову. Он не любил говорить об этом. Не любил признаваться в слабости. Но сегодня был тот день, когда чаша терпения переполнилась. Антон, его свита, смешки за спиной, взгляд Елены Викторовны, которая снова поставила его в пример. Всё это накопилось и теперь просилось наружу.

— Потому что я не такой, как они, — сказал он. — Я не играю в футбол. Я не смотрю те же сериалы. Я не смеюсь над тем, над чем смеются они. Я... я другой.

— И что? — мама подалась вперёд. — Это не повод убежать.

— Я не убегаю, — Егор поднял глаза. — Я хочу быть там, где мне будет легче. В физико-математической школе все такие, как я. Там будут ребята, которые любят шахматы, программирование, олимпиады. Там я не буду белой вороной.

— Может, и так, — сказала бабушка. — А может, и нет.

Везде есть свои Антоны, Егор. В любой школе. В любом городе. Ты увезёшь себя с собой.

Егор вздрогнул. Он не ожидал, что бабушка скажет это. Она всегда была на его стороне. Всегда понимала. А сейчас она говорила так, будто не верила в его план.

— Бабушка, — сказал он тихо. — Я не хочу сдаваться. Я просто хочу другую среду.

— Это не сдача, — ответила она. — Это попытка сбежать от проблемы, а не решить её.

— А какая у меня проблема? — Егор повысил голос. — То, что я не такой, как все? То, что мне скучно на уроках, которые я знаю лучше учителя? То, что я боюсь каждого дня, потому что там Антон и его дружки?

Мама резко выпрямилась.

— Антон? — переспросила она. — Тот футболист? Он тебя обижает?

— Нет, — Егор мотнул головой. — Просто подкалывает. Но я устал. Каждый день одно и то же. «Пономарёв, ты чего такой серьёзный?», «Пономарёв, ты чего в шахматы игра-

ешь, как старик?» Я не хочу это слышать. Я не хочу оправдываться. Я не хочу чувствовать себя глупым.

— Ты не глупый, — твёрдо сказала мама. — Ты один из самых умных детей, которых я знаю. И Елена Викторовна так считает.

— Вот именно! — Егор вскочил. — Она считает! Она ставит меня в пример! А одноклассники из-за этого считают меня занудой! Я не просил этого! Я не хочу быть примером! Я хочу быть незаметным!

Он замолчал, тяжело дыша. Мама и бабушка смотрели на него с тревогой. В телевизоре снова заиграла музыка, но никто не обращал на неё внимания.

— Сядь, — сказала мама. Егор сел. — Послушай меня. Я не могу просто взять и разрешить тебе не ходить в школу. Это не так работает. Но я слышу тебя. И я хочу помочь.

— Как? — Егор посмотрел на неё.

— Я могу поговорить с Еленой Викторовной, — сказала мама. — Может, тебе разрешат посещать не все уроки. Или перевестись в другой класс. Или... я не знаю. Но мы что-то придумаем.

— Я не хочу в другой класс, — сказал Егор. — Там те же люди.

— Тогда чего ты хочешь? — спросила мама. — Чтобы я оставила тебя дома?

— Да, — ответил он просто.

Мама вздохнула. Она взяла чашку, сделала глоток, поморщилась — чай остыл.

— Нет, — сказала она. — Пока нет. Ты доучишься этот год. Если к концу года ты всё ещё будешь хотеть домашнего обучения, мы подумаем. Но сначала ты попробуешь.

— Попробую что? — Егор нахмурился.

— Жить, — ответила мама. — Не убегать. Ходить в школу. Делать уроки. Искать тех, с кем тебе хорошо. Они есть, я знаю. Илья, Лиза, Саша. Ты не один.

— Они не в моём классе, — пробормотал Егор.

— И что? — мама пожала плечами. — Дружья не обязаны сидеть с тобой за одной партой. Главное, что они у тебя есть.

Бабушка отложила плед и подошла к внуку. Она положила руку ему на плечо.

— Егор, — сказала она. — Я знаю, что тебе тяжело. Я знаю, что ты боишься. Но если ты сейчас сдашься, ты никогда не узнаешь, на что способен. Ты сильный. Ты умный. Ты добрый. И ты не чужой. Ты просто ещё не нашёл своих.

— Я нашёл, — сказал Егор. — Илью.

— Одного человека мало, — бабушка улыбнулась. — Нужно больше. И они появятся. Но для этого нужно быть среди людей.

Егор молчал. Он смотрел на свои руки. Внутри всё ещё было тяжело, но где-то в глубине, под слоем обиды и усталости, теплилось что-то похожее на надежду. Может, бабушка права. Может, мама права. Может, он действительно убегает.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я попробую.

Мама выдохнула и улыбнулась.

— Вот и умница. А теперь иди спать. Завтра школа.

— Знаю, — Егор встал.

— И ещё, — мама посмотрела на него серьёзно. — Если Антон или кто-то ещё тебя тронет — ты скажешь мне. Или бабушке. Или учителю. Ты не один. Понял?

— Понял, — кивнул Егор.

— Обещай.

— Обещаю.

Он пошёл к двери, но на пороге обернулся.

— Бабушка, — сказал он. — Приходи в субботу. Поиграем в шахматы.

— Приду, — бабушка улыбнулась. — И пироги принесу.

Егор кивнул и вышел из гостиной. Он вернулся в свою комнату, сел за стол и посмотрел на шахматную доску. Белый ферзь всё ещё стоял на краю, окружённый чёрными фигурами. Егор взял его в руку, повертел, потом поставил обратно и сделал ход. Чёрные отступили.

— Ладно, — сказал он тихо. — Ещё один год. Я справ-

люсь.

За окном шёл дождь. Где-то в соседней комнате спал Тимофей. В гостиной мама с бабушкой снова смотрели свой сериал. А Егор сидел и смотрел на доску, чувствуя, как тяжесть в груди понемногу отпускает.

Завтра будет новый день. И он его переживёт.

Егор выскочил из гостиной, громко хлопнув дверью. В коридоре было темно, только свет из-под двери комнаты Тимофея рисовал на полу жёлтую полосу. Егор не стал задерживаться — он рванул к входной двери, на ходу схватил с вешалки куртку, даже не поняв, чья она, и вылетел на лестничную клетку.

Холодный воздух ударил в лицо. Здесь, на площадке между этажами, пахло сыростью и краской. Лампочка на потолке мигала, грозясь погаснуть в любую секунду. Егор привалился спиной к бетонной стене и сполз вниз, на корточки. Куртка оказалась маминой — слишком большая, пахла духами и чем-то ещё, неуловимо знакомым. Он натянул её на плечи и уткнулся лицом в колени.

Внутри всё кипело. Он сам не ожидал, что скажет это. Ещё минуту назад он соглашался, кивал, обещал попробовать. А потом что-то щёлкнуло. Может, дело было в том, как мама

сказала «попробуешь». Как будто он был лабораторной мышью, которую выпускают в лабиринт — посмотрим, выберется или нет. Может, дело было в бабушкиных словах про «увезёшь себя с собой». Или в том, что где-то в глубине души он знал: если он сейчас согласится, то будет терпеть. Ещё год. Ещё десять месяцев. Ещё триста дней. И каждый день будет как сегодня — с утра до вечера, с Антоном, с Еленой Викторовной, с этим чувством, что ты не на своём месте.

Он не мог. Просто не мог.

На лестничной клетке было тихо. Только где-то этажом выше капала вода — монотонно, размеренно, как метроном. Егор слушал эти капли и считал. Раз. Два. Три. Четыре. Он не знал, сколько прошло времени. Может, пять минут. Может, двадцать. В какой-то момент он услышал, как в квартире скрипнула дверь. Потом шаги. Лёгкие, быстрые — мама.

— Егор? — её голос прозвучал глухо через закрытую дверь. — Егор, ты здесь?

Он не ответил. Сжался ещё сильнее, надеясь, что она не выйдет. Но дверь открылась, и на лестничную клетку упал свет из коридора. Мама стояла в проёме, в домашнем халате, с растрёпанными волосами. Она выглядела испуганной.

— Господи, — выдохнула она, увидев его. — Ты чего тут сидишь? Замёрзнешь.

— Не замёрзну, — буркнул Егор, не поднимая головы.

Мама присела рядом. Не на корточки — она просто опустилась на ступеньку, подобрав полы халата. От неё пахло чаем и тем самым сериалом, который они с бабушкой смотрели. Егор вдруг почувствовал себя маленьким и глупым.

— Егор, — сказала мама тихо. — Ты не можешь просто не ходить в школу. Это незаконно. Я не могу тебе это разрешить.

— Знаю, — ответил он в колени. — Но я не могу туда идти. Мам, я серьёзно. Я не выдержу.

— Почему? — она положила руку ему на спину. — Скажи мне честно. Что случилось? Что-то произошло сегодня?

Егор молчал. Он не знал, как объяснить. Как объяснить, что каждый день — это как ходить по тонкому льду? Что каждое утро он просыпается с мыслью: «Только бы сегодня ничего не случилось». Что он устал притворяться, что ему всё равно. Что он устал быть «умным мальчиком», «отличником», «примером для других». Он просто хотел быть. Без

ярлыков. Без ожиданий.

— Я не такой, как они, — сказал он наконец. — Я пытался. Правда. Я ходил в школу, делал уроки, отвечал на уроках. Я даже пытался шутить. Но это не работает. Они видят во мне только зануду. И я не знаю, как это изменить. И не хочу. Я не хочу быть как они. Я хочу быть как я. Но для этого мне нужно уехать.

— В Екатеринбург? — мама вздохнула. — Егор, это через два года. Целых два года. Ты не можешь просто вычеркнуть их из жизни.

— Могу, — он поднял голову. — Если буду готовиться дома. Я буду заниматься. Я обещаю. Я не буду просто сидеть. Я буду учить английский, решать олимпиады, читать. Я буду готовиться к поступлению. Я не буду бездельничать.

Мама смотрела на него долгим взглядом. В её глазах была боль. И ещё что-то — может, понимание. Она тоже когда-то была подростком. Может, и она чувствовала себя чужой.

— Я не могу оставить тебя дома, — сказала она. — Но я могу поговорить с врачом. Может, тебе дадут справку на пару недель. Психолог, невролог. Скажем, что тебе нужно отдохнуть. А потом решим, что делать дальше.

— Справку? — Егор нахмурился. — Ты хочешь сказать, что я больной?

— Нет, — мама покачала головой. — Я хочу сказать, что тебе нужна помощь. Ты сам сказал, что не можешь выдерживать. Это не слабость, Егор. Это сигнал. Если тебе плохо — надо что-то менять. Но не сбегать. Не бросать школу в один день. Это не решение.

— А что решение? — спросил он.

— Я не знаю, — честно ответила мама. — Но мы найдём его вместе. Ты, я, бабушка. Мы что-нибудь придумаем. Только не так. Не ночью на лестнице.

Егор почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Он не хотел плакать. Он ненавидел плакать. Но слёзы уже были где-то близко, и он с трудом сдерживал их.

— Мам, — сказал он дрогнувшим голосом. — Я не хочу быть один.

— Ты не один, — мама обняла его. — Ты никогда не был один. И не будешь. Слышишь?

Он кивнул, уткнувшись ей в плечо. Куртка сползла, и хо-

лод снова пробрался под футболку. Но ему было всё равно.

Из квартиры выглянула бабушка. Она стояла в дверях, опираясь на косяк, и смотрела на них молча. Потом подошла и села рядом, на ступеньку. Егор оказался между мамой и бабушкой — как в детстве, когда они вместе читали книги или играли в лото.

— Егорка, — сказала бабушка. — Я знаю, что тебе страшно. Я тоже боялась. Когда твой дед умер, я думала, что не справлюсь. Я боялась остаться одна. Но я справилась. И ты справишься. Только не надо рубить с плеча. Давай подумаем вместе.

— Я не хочу думать, — ответил он. — Я устал думать. Я просто хочу, чтобы это закончилось.

— Оно закончится, — сказала бабушка. — Всё всегда заканчивается. И плохое, и хорошее. Главное — дожить до конца и не сломаться.

Егор поднял голову и посмотрел на неё. В её глазах были слёзы. Он редко видел, чтобы бабушка плакала. Может, никогда. И от этого ему стало ещё хуже.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел вас пугать.

— Мы не пугаемся, — мама погладила его по голове. — Мы волнуемся. Потому что любим тебя. Иди в дом. Холодно.

Егор встал. Ноги затекли, и он едва не упал, но мама подержала его под руку. Они втроём вернулись в квартиру. Бабушка закрыла дверь и включила свет в коридоре. Стало тепло и светло.

— Чай будешь? — спросила она.

— Буду, — кивнул Егор.

Они прошли на кухню. Мама поставила чайник, бабушка достала из шкафа печенье. Егор сел за стол и обхватил руками кружку, даже не дождавшись, пока нальют чай. Он смотрел на свои руки и думал о том, что сказал. «Я завтра останусь дома, хочешь ты или нет». Он действительно так думал. Но теперь, после лестницы, после объятий, после бабушкиных слёз, он уже не был так уверен.

— Мам, — сказал он. — А если я всё-таки пойду завтра? Ну, в школу.

Мама обернулась от плиты.

— Пойдёшь?

— Ну, не знаю, — он пожал плечами. — Может, попробую ещё раз. Но если станет совсем плохо — я позвоню. И ты меня заберёшь.

— Заберу, — мама улыбнулась. — В любое время. Только позвони.

— Хорошо.

Бабушка поставила перед ним чашку с чаем и села напротив. Она смотрела на него внимательно, как будто читала мысли.

— Егор, — сказала она. — Ты не думай, что ты слабый. Ты сильный. Просто ты ещё не нашёл свой путь. Но найдёшь. Я знаю.

— Спасибо, бабушка, — сказал он тихо.

Он сделал глоток чая. Он был горячим, сладким, с мятой. Именно таким, как он любил. И в этот момент, сидя на кухне с мамой и бабушкой, Егор впервые за весь день почувствовал, что всё будет хорошо. Может, не завтра. Может, не через неделю. Но когда-нибудь. Обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.